DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И КЛАССИФИКАЦИИ

И.С. Семененко, В.В. Лапкин, В.И. Пантин

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корр. РАН, зам. директора по научной работе, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, email: semenenko@imemo.ru; **ЛАПКИН Владимир Валентинович**, ведущий научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: vvlh@politstudies.ru; **ПАНТИН Владимир Игоревич**, доктор философских наук, зав. отделом ЦСЭПИ, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: v.pantin@mail.ru

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. 2021. № 5. С. 56-77. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05

Статья опубликована в рамках проекта "Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество" по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Статья поступила в редакцию: 20.05.2021. Принята к публикации: 23.06.2021

Аннотация. Понятия социальных размежеваний/кливажей, идейно-политических противостояний, социокультурных расколов, утвердившиеся в политической науке, характеризуют системные элементы эволюционных трансформаций современных обществ. При этом имеющийся категориальный аппарат не вполне адекватен исследовательским задачам, возникающим ввиду многозначности и динамизма прогрессирующих разделений, а содержательное наполнение описывающих их концептов зачастую остается непроясненным. На основании обзора теоретико-методологических подходов к анализу разделенных обществ как предметной социальной реальности и как категории политической науки авторы выделяют три ключевых ракурса их исследования: а) с точки зрения классической теории социальных кливажей и их политических проекций; б) с акцентом на осмысление практик политизации новых социальных размежеваний и потенциала их превращения в ресурс конкурентной борьбы политических проектов и в) с позиций анализа политических противостояний как фактора общественного развития. Обоснована потребность сопряжения выделенных подходов применительно к прогнозированию траекторий и альтернатив современного политического развития. Верифицируемыми характеристиками разделенного общества авторы считают не только растущее экономическое, социальное, культурное неравенство и конфликтную политическую конкуренцию, но также масштабы и остроту публичной дискуссии вокруг проблем культурной и социально-политической поляризации. В статье предложена типология социальных размежеваний, имеющих политическое измерение в рамках территориально локализованных и формирующихся экстратерриториальных сообществ. По итогам анализа политических дискурсов и практик разработана когнитивная карта соответствующего исследовательского поля. Дисфункции модели национально-территориального государства, проявляющиеся в условиях кризисного и посткризисного мироустройства на фоне растущего разнообразия форм институционализации политических противостояний, дают основания

к постановке вопроса о пределах и условиях применимости концептов, сложившихся в ходе анализа социальных реалий западноевропейского модерна. Предлагается глубокий пересмотр подходов к оценке современной социальной динамики, в частности, на основе представленной авторами расширительной трактовки концепта разделенных обществ как категории политического анализа.

Ключевые слова: разделенные общества, социальные размежевания/кливажи, национально-территориальные государства/сообщества, экстратерриториальные сообщества, политические противостояния, поляризация, конфликтность, политика идентичности, когнитивная карта.

Социальные размежевания были и остаются определяющим фактором политической динамики современных обществ. Их проекции в политическую сферу в разных формах идейно-политических противостояний и конфликтности задают многообразие направлений политико-институциональных трансформаций, пополняя ресурсы политического развития и стимулируя поиски оснований общественного согласия. Теоретическая фундированность и согласованность представлений о ключевых факторах и типах социальных размежеваний и политических противостояний становится условием *sine qua non* существования национально-территориальных сообществ, разделенных по разным основаниям – от *ценностного выбора* и *культурных предпочтений* до *включенности* в форматы общения цифрового общества и цифровой экономики, либо же *исключенности* из них. Такое системное видение – это ключевой элемент анализа и прогнозирования социальных и политических процессов, оценки перспектив социальной стабильности и политико-институциональных трансформаций, выявления альтернативных сценариев общественного развития. В современном дискурсе социальных наук эти проблемы не находятся пока в фокусе исследовательского внимания, тогда как сам феномен разделенности (как *реальность разделенных обществ*) уже прочно включен – посредством информационных потоков – в сферу массового сознания и идентичности и стал неотъемлемым атрибутом современной социально-политической реальности, элементом повседневности.

Столь значимые для политической науки теоретико-методологические констатации побуждают авторов к постановке задач выявления наиболее важных для современных обществ социальных размежеваний, к разработке по итогам анализа научных дискурсов и политической практики подходов к качественной оценке их значимости, изучению последствий их политизации и формирования на этой основе политических противостояний. Интегральной задачей исследования является систематизация социальных размежеваний и их политических проекций в формате соответствующей когнитивной карты. Решение совокупности этих задач позволяет обрисовать контуры исследовательского поля и стимулирует разработку новых методологических подходов к анализу социально-политической интеграции/дифференциации в условиях кризисного и посткризисного развития современного мира.

“РАЗДЕЛЕННЫЕ ОБЩЕСТВА” КАК СУЩНОСТНО ОСПАРИВАЕМЫЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Устоявшийся в рамках мейнстрима политических исследований категориальный аппарат, призванный отразить тенденции и перспективы общественного развития, скорее, закрепляет, чем способствует преодолению разрывов между профессиональным знанием и возможностями его проекции в обще-

ственное сознание и в сферу политических решений. Действительно, такие смыслообразующие для анализа политического развития категории, как территориальное государство, национальное государство и государство-нация, капитализм и либерализм, демократия, демократизация и права человека, народ, нация, национализм и национальная идентичность, социальная группа и сообщество, популизм, публичная политика, политика идентичности, управление и управляемость (список можно продолжать), требуют переосмысления с учетом их многозначного толкования. В поле политической науки растет число как сущностно оспариваемых (*essentially contested/disputed*), так и потенциально подверженных такому оспариванию концептов (*contestable concepts*) [Collier, Hidalgo, Maciuceanu 2006: 214]. Тем более остро стоит вопрос о приведении ключевых категорий политического анализа в соответствие со стремительно меняющимися реалиями нового политического времени, с учетом влияния цифровых технологий на сознание и поведение "человека политического". Но также имея в виду растущий запрос на перспективное видение горизонтов общественного развития и позитивных, созидательных ориентиров для личности за такими горизонтами. "...Каждый политический 'мир' живет и созидается... своим дискурсом" [Ильин 2002: 19], и особенно явственно такое влияние дискурсов проявляется в нынешнюю эпоху, перенасыщенную информацией и интерпретирующими, кодирующими и дешифрующими ее текстами [Лапкин, Семененко 2017: 139-141]. Стремительно меняющиеся параметры цифрового общества сулят человеку непредсказуемое будущее. Поэтому для переформатирования экспертного знания в политические решения принципиальное значение имеют *дискурсы развития* – продвижение в научной дискуссии и в публичном пространстве за ее пределами идей и приоритетов, которые стимулируют улучшение качества жизни для растущего круга людей и формируют способствующие решению таких задач мотивации и идентичности.

Очевидно, что в нынешней повестке дня социальных наук доминируют иные приоритеты – выявление вызовов, рисков, угроз и оценка их возможных негативных последствий для социальной и национальной безопасности. Выбор такой оптики неслучаен: *эффекты дестабилизации миропорядка усиливаются под воздействием растущей внутри современных обществ конфликтности*. Неслучайно неизменное в каждой новой фазе социального времени возвращение в научный дискурс вопроса о социальных противоречиях и их движущих силах, о поисках политических механизмов их регулирования в целях поддержания уровня сплоченности общества и доверия к институтам государства, приемлемого для продвижения общих приоритетов развития.

Осмысление проблемы социальных размежеваний и политических противостояний актуализирует потребность в пригодных для нынешних реалий теоретико-методологических подходах и концептах. В конце 1960-х годов Стейн Роккан и Мартин Липсет разработали завоевавшую широкое признание классификацию социальных кливажей и обосновали закономерности их закрепления в партийных системах западных демократий [Lipset, Rokkan 1967]. Они указали на преемственность между структурой современной партийной системы стран Запада и сложившейся в 1920-е годы расстановкой сил, а также на эффект, который привел к "замораживанию" партийного ландшафта в послевоенные десятилетия. С выделенными в рамках предложенной классификации кливажами разного типа (между собственником и наемным работником, церковью и государством, городом и селом, центром и периферией) связывались и предсказуемость электорального выбора, и стабильность

демократических партийно-политических систем [Rokkan 1973]. Выявленные оси разделений рассматривались как ключевые факторы, структурирующие поле политической конкуренции, а группы, признанные как родовой атрибут социальной структуры индустриального общества, – как относительно стабильные опоры тех или иных политических сил.

Предлагаемая исследовательская оптика сочетала территориальное и функциональное измерения социальной дифференциации и их темпоральную динамику [см. State Formation... 1999: 5-6]. В дальнейших исследованиях именно этому, темпоральному аспекту сам Роккан стал уделять преимущественное внимание; эти разработки легли в основу геохронополитических методик концептуального картирования. В рокковской логике "критические переходы развития создают свои размежевания: Реформация – размежевание между государством и церковью, национальная революция – между центром и периферией, индустриальная революция – между городом и селом... между капиталом и трудом"[1]. В периоды длительных кризисов и депрессий, которые соответствуют понижательным волнам циклов Кондратьева, углубляются "старые" размежевания, а появление новых размежеваний, наиболее значимых для будущих социально-политических изменений, синхронизировано с фазами великих потрясений четырехфазных циклов эволюции мировой системы [Пантин, Лапкин 2014]. Так, в фазе великих потрясений 2000-х – 2010-х годов, связанных с информационной революцией, важную роль приобретают ценностные, этнокультурные, этнополитические и цивилизационные разделения и расколы, "цифровое неравенство", а также размежевания между популистами и сторонниками "системных" политических партий.

Уходя с первых позиций в структурировании общественных отношений, "старые" кливажи не исчезают полностью, и национальные партийно-политические системы отражают кумулятивные эффекты исторических и новых противостояний [Hooghe, Marks 2018: 127]. В строгом, применимом к рокковской оптике смысле кливажи определяют три взаимосвязанных проекции разделений – в социальной структуре общества (принадлежность к социальной группе), в ценностных ориентациях (коллективная идентичность) и в политическом поведении (электоральный выбор) [Bartolini, Mair 1990: 215; Bartolini 2005: 11]. Однако в условиях "размораживания" политических ландшафтов западных демократий, появления несистемных политических партий и движений растет потребность в нюансировке этого подхода. Научный дискурс во многом следует за этими изменениями: в исследовательском арсенале утвердились понятия *различий* и *разделений*, в которых могут присутствовать один или два, но не все три характерных для кливажей элемента [Deegan-Krause 2006; Bartolini 2011]. В политической проекции речь скорее идет о "противостояниях" как отражающих политическое действие характеристиках. В этом контексте партийные и идейно-политические противостояния анализируются в логике борьбы "политических семей" [Seiler 2009].

У кливажного подхода с самого начала были авторитетные критики, аргументировавшие обратную зависимость – импульсы политизации прослеживаются от партий к социальным группам, а партийная система выполняет функции "канализации политических предпочтений общества" ("*political canalization of the society*") [Sartori 1976: 37]. Указывалось также на трудности верификации

[1] Ильин М.В. 2011. *Рокковский момент*. URL: https://present5.com/rokkanovskij-moment-ilin-mixail-vasilevich-mikhaililyihn-48-gmail-com/ (accessed 15.04.2021).

глубины и значимости кливажей, на слишком буквальную их трактовку [Lybeck 1985: 111-112], на ограниченность объяснительного потенциала и доказательной базы столь широкого подхода. Предлагалось (и с серьезной на то аргументацией) сосредоточиться на изучении субъектов политических изменений и их взаимодействий [Tilly 1981]. Закономерно, что на рубеже 2000-х годов именно акторный анализ занял в политических исследованиях прочные позиции.

Однако не стоит забывать о том, что изначально кливажный подход и был ориентирован на западные реалии, в первую очередь – на происходящее в границах национального государства, и отнюдь не претендовал на всеохватность. Его применимость для осмысления тенденций динамики незападного мира впоследствии апробировалась на социально-политических реалиях постсоциалистических стран, Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки, особенно активно – применительно к странам ЦВЕ; объединяющим элементом при отборе объектов анализа была политическая значимость тех или иных структурированных размежеваний, их политизация [Deegan-Krause 2006]. При этом само стремление исследователей-регионоведов выстраивать общие объяснительные модели для анализа разновременной и разноуровневой общественной динамики широко оспаривалось в научном дискурсе (см., например, [Urry 2000]). Тем более что к концу прошлого века универсальность модели национально-территориального государства была поставлена под вопрос ввиду роста разнообразия форм политической организации современного мира (см. [Государство... 2020]). Привязка социально-политических разделений к национально-территориальному сообществу стала сущностно оспариваемым подходом.

Многозначная природа государства задает разные оптики сущностной трактовки самого понятия и разные уровни анализа организации государства как “общественного отношения” (*social relation*) ([Джессоп 2019: 119]; см. также [Соловьев 2020: 37-62]). В рамках пространственного подхода расширяется понимание политической субъектности. Так, не предполагающие географической близости сообщества включаются в политические взаимодействия, используя новейшие технологические возможности. В результате проявляются размежевания, осмысление которых требует “апгрейда” наличного аналитического инструментария. Например, для оценки взаимозависимости диаспоральных миров и “материнского” государства или перспектив политической субъектности этномиров и городских сообществ, контуры которых задаются общими ориентирами идентичности и общими интересами. Или – для изучения того, как исторические разделения, такие как русское рассеяние начала XX в., проецируются в миропорядок начала XXI в.

В сетевом пространстве разделения между “цифровыми аборигенами” и “цифровыми мигрантами” усугубляются поколенческими разрывами, обусловленными разными типами мышления и, зачастую, ценностной несовместимостью. Фактор образования стал рассматриваться в этом контексте как один из центральных в формировании политических предпочтений [Bornschier 2009: 7]. Он вписывается в разделение между “выигравшими” и “проигравшими” от различных проявлений тех изменений в характере коммуникаций, которые принято обобщенно именовать *глобализацией*; это разделение определяет политический выбор в спектре от “новых левых” до правого популизма [Grande, Kriesi 2012]. Популизм выступает как “идейно разреженная (*thin-centered*) идеология разделений” между элитными и массовыми группами [Mudde, Kaltwasser 2017: 6], между властью в лице государства и отчужденными от него гражданами.

В научном дискурсе неслучайно растет внимание к объяснительному потенциалу и возможностям количественных измерений ценностных размежеваний, которые присутствуют в разных вариантах классификации: между материальными и постматериальными жизненными ориентирами [Inglehart 1990], ценностями самовыражения и выживания [Inglehart, Welzel 2005], универсалистскими и коммунитаристскими идейными ориентациями [Bornschier 2009]. Их анализ ведется преимущественно в парадигме политических конфликтов, трактовки конфликта как "нормы" и "естественного феномена" общественной жизни [Глухова 2020: 15]. Обнаружить социальные корни таких разделений затруднительно: категории, которыми мы оперируем при оценке социокультурной динамики, "зачастую отстают от нашего понимания природы конфликтов", которые вызваны к жизни этой динамикой [Bornschier 2009: 10]. Поэтому *ключевой для социальных наук задачей* остается "теоретическая и эмпирическая идентификация значимых социальных разделений в быстро меняющемся мире и тех политических форм, которые они принимают" [Kriesi 1998: 181].

Для обозначения различных форм политико-институциональной организации сложносоставных социумов и моделей постконфликтного регулирования этнополитических противостояний в социальных науках утвердился термин "разделенные общества" (*divided societies*) [Lijphhart 1968; 2007]. Аренд Лейпхарт уделил приоритетное внимание закреплению механизмов управления разделениями (*power sharing*) в рамках опирающихся на межэлитные соглашения институтов консоциативной демократии, которые "ориентированы, по крайней мере изначально, на укрепление плюралистических начал... на признание кливажей и их превращения в конструктивные элементы стабильных демократий" [Lijphart 1977: 42]. Деполитизировать такие расколы предлагалось за счет организации политического управления на интегративных началах, поддержки многоэтничных партий и укрепления политического центра [Horowitz 1985]. Оценка потенциала этих моделей для обеспечения стабильности политической системы свидетельствует в пользу возможности их непротиворечивого взаимодействия в институционально разделенных обществах посредством использования элементов обоих управленческих подходов – разделения и интеграции [Bogaards 2019: 531].

Фрагментация, сегментация, поляризация, сектарианизм (*sectarianism*) и другие формы институционализации этнических, лингвистических и религиозных / конфессиональных разделений стимулировали рост интереса к практикам организации политического управления такими обществами – от деволюции и федерализации до особых статусов автономий и консоциации (подробнее см. [Кудряшова 2020: 15-41]). В "глубоко разделенных обществах" [Guelke 2012] существованию сложившейся структуры государственности угрожает политизация этнокультурного разнообразия элитными группами интересов [O'Flynn 2010: 46]. Апробированная авторами данной статьи трактовка этнополитического конфликта как проявления политизации идентичности исходит из выявления целеполагания сторон конфликта и выделяет три их типа, фиксирующие разные степени политической поляризации общества [Семененко, Лапкин, Пантин 2016].

Политическое устройство европейских стран с выраженными лингвистическими и конфессиональными разделениями – Швейцарии, Бельгии, а также Северной Ирландии, – дает примеры разных форм институционального регулирования политических разделений на путях достижения межэлитного согласия. Это касается и отдельных многоэтничных субрегионов, таких как

Южный Тироль в Италии или канадский Квебек. Факторами стабилизации становится положительная динамика в снижении уровня социально-экономического неравенства между группами с использованием инструментов прозрачного перераспределения ресурсов, как финансовых, так и символических, в последнем случае посредством сбалансированной политики идентичности. Однако незападные примеры фиксируют множество конфликтных противостояний, появляющихся под воздействием кумулятивного эффекта разделений совпадающей направленности (*coinciding/reinforcing cleavages*), которые далеко не всегда компенсируются разнонаправленно пронизывающими общество разделениями (*cross-cutting cleavages*) (в терминологии опиравшихся на анализ западных обществ классиков политической науки, см. [Lipset 1960; Rokkan 1967; Lijphart 1968]). Более того, институционализация социальных расколов в незападных странах (Ливан, Израиль / Палестина, Индонезия, Нигерия и др.) может стимулировать процессы политизации этноконфессиональных и языковых идентифицирующих различий, легитимируя режимы жесткой конкуренции между соответствующими сообществами.

Политика идентичности становится полем столкновения конкурирующих дискурсов. Они формируются вокруг трактовки осевых размежеваний между сообществами людей разных ценностных ориентаций. Речь идет о разделениях, которые определяют не только политическую идентичность и электоральный выбор, но и закрепляют разделенность как качество, имманентно присущее процессам общественных трансформаций. Приоритеты научной и публичной дискуссии выстраиваются вокруг проблем социальной и политической поляризации, которая проявляется в структуре современного миропорядка, в рамках территориально локализованных и экстратерриториальных сообществ, в наднациональных политических пространствах.

Понятие “разделенного общества” выдвинулось в число сущностно оспариваемых концептов политической науки постольку, поскольку оно применимо как при трактовке институционально закрепленных *размежеваний*, изучение которых давно включено в мейнстрим социальных наук[2], так и всего комплекса социальных, культурных и политических разделений, призванных формировать приоритеты *политики развития*. Это открывает возможности изучения практик целенаправленной *политизации* социальных *размежеваний* и их потенциально деструктивного конфликтного потенциала.

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Помимо выделенных С. Рокканом и М. Липсетом кливажей в современных обществах возникают и отчетливо проявляются также новые политические противостояния и разделения, взаимодействующие с прежними и существенно видоизменяющие их. Эти новые противостояния развиваются из социальных и культурных размежеваний, которые формируются благодаря соответствующим социальным и культурным сдвигам и политико-институциональным трансформациям, ввиду широкого распространения информационных технологий и усиливающегося взаимодействия западных и незападных обществ, ценностей и культур – в условиях глобализации и перехода к полицентричному мировому порядку. Заметное влияние оказывают и последствия

[2] См., например, *Centre for the Study of Divided Societies, King’s College London*. URL: https://www.kcl.ac.uk/research/centre-for-the-study-of-divided-societies (accessed 12.05.2021).

глобальной эпидемии COVID-19, кризисные явления в экономике, здравоохранении, образовании, социальной сфере.

К наиболее важным новым политическим противостояниям, проявившимся в первые десятилетия XXI в. в западных обществах, можно отнести, во-первых, конфликты этнополитического и этнокультурного характера, возникшие в результате массовой инокультурной миграции из стран Азии, Африки, Латинской Америки в страны ЕС и в США; во-вторых, внутриполитические противостояния в США, связанные с ценностными, идеологическими и расовыми размежеваниями и разделениями в американском обществе, а также с расколами и противоречиями внутри американской элиты; в-третьих, политические расколы между сторонниками неолиберального глобализма и их оппонентами в лице традиционалистов, консерваторов и политиков, ориентированных на сохранение ведущей роли национального государства; наконец, в-четвертых, разделения между различного рода популистами и приверженцами традиционных ("системных") политических партий и идеологий. Нередко эти новые политические противостояния тесно переплетаются друг с другом, формируя в странах ЕС, в Соединенных Штатах и в других государствах Запада новый политический ландшафт [Партийно-политические... 2016]. В то же время в незападных странах, например, на Ближнем Востоке, в Северной и Тропической Африке, в ряде постсоветских государств, усиливаются размежевания и расколы на этноконфессиональной, ценностной, цивилизационной и геополитической основе, которые нередко приводят к острым политическим противостояниям и конфликтам.

Особого внимания заслуживает пример современных Соединенных Штатов, где формировавшиеся на протяжении нескольких десятилетий политические, идеологические, ценностные, расовые и этнокультурные размежевания в итоге привели в последние месяцы президентства Д. Трампа к острому политическому противостоянию [Norris, Inglehart 2019]. Это противостояние повлияло на характер и функционирование политической системы, усилило раскол между сторонниками Демократической и Республиканской партий, а также, учитывая роль США как мирового лидера, оказало воздействие на политическую ситуацию во всем мире. Можно полагать, что особый драматизм и далеко идущие последствия политических противоречий в современном американском обществе связаны с тем, что в них слились воедино ценностные, социально-демографические (в том числе гендерные и поколенческие), социокультурные, социально-экономические (резко выраженное имущественное неравенство), региональные (различия между отдельными штатами) и идеологические (неолибералы – традиционные консерваторы – неоконы – социалисты) разделения, которые привели к своего рода "культурной революции" и к радикальной переоценке многих важных событий американской истории. Острота этих противоречий чревата не только возрождением практики "охоты на ведьм" в самих США, но и переносом политических разделений и конфликтов внутри американского общества на другие страны, попытками разделить мир на "демократические" и "авторитарные" государства, на страны-сателлиты и враждебные США государства.

В странах ЕС наиболее значимыми в первые десятилетия XXI в. политическими размежеваниями стали этнополитические, этнокультурные и цивилизационные разделения, связанные с массовой иммиграцией из стран Азии и Африки [Миграционные... 2019], разделение на популистские и "системные" политические силы [Mudde, Kaltwasser 2017; Вайнштейн 2018], а также разделение на национальные и наднациональные элиты (евробюрократия, депутаты

и чиновники Евросоюза). Эти разделения получили свое институциональное оформление во многих странах ЕС в виде правопопулистских ("Альтернатива для Германии" в ФРГ, "Национальное объединение" во главе с Марин Ле Пен во Франции, "Лига" в Италии, "Партия свободы" в Нидерландах, "Право и справедливость" в Польше, "Фидес" в Венгрии, партия "Истинные финны" в Финляндии) [Rydgren 2017] и левопопулистских ("Зеленые" в ФРГ, "Движение пяти звезд" в Италии и др.) политических партий (при всей условности описания этого спектра в традиционной логике "правых" и "левых"). Кроме того размежевания, связанные с массовой миграцией и миграционным кризисом, проявились на наднациональном уровне и в сочетании с другими факторами привели к росту противоречий внутри Евросоюза, одним из значимых последствий которых стал Брекзит. Следует также отметить, что серьезные социальные последствия эпидемии COVID-19 в странах ЕС спровоцировали еще одно размежевание – разделение на сторонников и противников жестких мер и ограничений, бьющих прежде всего по малому и среднему бизнесу, молодежи, самозанятым. Все это привело к дестабилизации социальной и политической ситуации в ряде европейских стран, к массовым протестам, вызванным недовольством запоздалыми и не всегда эффективными действиями руководящих органов ЕС по борьбе с социальными и экономическими последствиями пандемии и связанного с ней кризиса. В перспективе подобная дестабилизация может привести к переформатированию институциональной системы как на уровне отдельных государств, так и на наднациональном уровне, а также к росту сепаратизма и к появлению новых форм размежевания "центр – периферия".

Во многих незападных обществах ключевую роль в генерировании политических размежеваний играют ценностные, конфессиональные, культурно-цивилизационные, геополитические разделения, которые могут усиливаться или ослабевать в зависимости от внутренних изменений, последствий неравномерной и неорганичной модернизации, внутриполитических кризисов и от внешнеполитических факторов, в частности от политики, проводимой региональными и мировыми центрами силы. Так, на Ближнем Востоке обострение противостояния между суннитами и шиитами в первые десятилетия XXI в. связано не только с внутренними религиозными и межэтническими противоречиями, но и с борьбой за доминирование в исламском мире между Саудовской Аравией и Ираном. На постсоветском пространстве рост конфликтности, вызванный ценностными, этнополитическими и геополитическими размежеваниями, а также расхождениями между траекториями нациестроительства и приоритетами государственного строительства, резко усиливается в результате влияния внешних факторов, информационного, социально-экономического, политического и военного воздействия со стороны США, КНР, ЕС, России, Великобритании и ряда региональных держав.

В постсоветских странах, прежде всего в Украине, Молдове и Белоруссии, углубились лингвистические (языковые), ценностные, культурно-цивилизационные и региональные размежевания, которые в значительной мере определяются "пограничным" геополитическим и геокультурным положением этих стран, их историей и наличием в обществе разнородных ценностных, культурных и политических ориентаций. Стремление властных элит этих стран сыграть на политизации таких размежеваний, провоцирующее тем самым рост внутриполитической конфликтности, привело к существенным затруднениям в процессе государственного строительства [Lemay-Hebert 2009; Мелешкина 2012; Isaacs, Polese 2016]. Эти трудности усугубляются кон-

куренцией и геополитическим противостоянием США, стран ЕС, России и Китая на постсоветском пространстве. В результате формируются глубокие и труднопреодолимые геополитические расколы, которые сопровождаются ростом внутриполитической нестабильности и усилением этнического национализма.

Просчеты в выработке адекватных подходов и механизмов регулирования внутриполитических размежеваний и региональных конфликтов ведут к резкому усилению не только процессов сегментирования государственной институциональной системы наиболее неблагополучных незападных стран, но и усиливают в них тенденции деградации государственности как таковой. Последствия этих кризисных явлений в виде массовой инокультурной иммиграции, стимулирующей подъем правого популизма и ценностные расколы, будут сказываться и на западных, и на постсоветских обществах, усиливая в них прежние и новые социальные размежевания и политическую нестабильность.

ПОЛИТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ

В основе социальных размежеваний лежат *факторы самоидентификации,* обеспечивающие разграничения тех или иных "воображаемых сообществ" по принципу "свой – чужой". Действие многих из этих факторов усиливается в современных условиях разложения прежних социальных иерархий, связывающих макросообщества и основанных на традиционных отношениях собственности, статусности, культурной и идейной гегемонии. Следует обратить внимание на "неклассический" характер формирующихся в этих условиях социальных разломов, для которых неочевидна интегрированность в привычную для социально-политического анализа иерархически организованную общественную структуру: применение к их анализу прежних методов (в том числе и описанной выше классической методологии изучения социальных кливажей и их политических проекций) представляется проблематичным.

Неклассическая природа новых размежеваний ставит вопрос о поиске оснований для обобщенной классификации, включающей как те размежевания, что характеризуют а) "домодерные" и б) "модерные" сообщества, так и те, что в) сегодня приходят им на смену. К первым следует отнести такие разделения, как, например, "свои – чужие", "цивилизация – варварство", "власть – народ"[3]. Ко вторым – классические "роккан-липсетовские" кливажи. К третьим – те, что формируются в современную эпоху кризиса институтов Модерна.

Последующий анализ природы и характера размежеваний во всех трех этих типах сообществ обнаруживает их эволюционную преемственность (проявляющуюся в ряде случаев и на протяжении некоторых исторических периодов лишь в латентных формах) и вместе с тем позволяет уточнить и диверсифицировать структуру общества, оценить его актуальный эволюционный потенциал. В последние десятилетия, по мере продвижения формирующихся на наших глазах новых глобалистского характера разделений (субстратом которых являются наднациональные и экстратерриториальные сообщества) наблюдаются тектонического порядка эффекты трансформации знакомой нам социальной среды. Эти эффекты диагностируют запуск процессов необратимой деконструкции

[3] Ильин М.В. 2021. *"Переоткрытие размежеваний? Эволюционная трактовка кливажей Роккана-Липсета и других размежеваний"*. Доклад на заседании научно-теоретического семинара ЦСЭПИ ИМЭМО РАН. 15.04.2021. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/nauchno-teoreticheskiy-seminar-tssepi?p=&ret=739&year=2021&sem=479 (accessed 15.04.2021).

и деградации институтов, практик и соответствующей политической культуры национально-территориального государства и институциональной демократии с ее партийно-политической системой. Вместе с тем наметилась явная реактуализация упомянутой выше "архаики" (см., например, [Ламажаа 2011: 35-36]). Именно противостояние "своих", "цивилизации" и "народа", соответственно, "чужим", "варварам" и отчужденной в рамках институционализированного формализма "власти" оказывается сегодня объектом политизации и ресурсом разнообразных политических проектов эпохи радикальной трансформации миропорядка, генерирующих новые форматы властных отношений. Такие проекты адресуются как субъектам макрополитики, так и демонстрирующим неординарную активность сообществам и даже отдельным идентифицирующим себя с этими сообществами индивидам.

Переходя в сферу политики, в которой, собственно, и формируются политические противостояния, мы обнаруживаем, что далеко не все социальные размежевания, в том числе и весьма глубокие и охватывающие массовые общественные страты, оказываются политически значимыми.

Природа политических противостояний иная, и в этом все дело. В основе ее (в отличие от социальных размежеваний) лежат скорее *отношения конкуренции* наиболее *успешных политических проектов*, продвигаемых разнообразными группировками элит и иных претендующих на политическую субъектность групп данного сообщества. Политические противостояния формируются в процессе *политизации* значимых социальных размежеваний, представляя собой их интегрированные политико-институциональные проекции. В вопросах анализа таких противостояний важную роль играют условия и принципы, организующие эти *отношения* в гражданской и протогражданской сферах данного сообщества, а также особенности доминирующей в нем политической культуры. Любая культурная революция (например, та, что сегодня связывается с повсеместным распространением социальных сетей и иных форм виртуальной мобильности и общения) в состоянии радикально трансформировать принципы и формы такой политико-проектной конкуренции.

Поэтому важно не столько содержание соответствующих политических проектов и сопоставление их достоинств и даже не эффективность их содержательного освоения целевой аудиторией. Важны прежде всего эффекты политико-культурной природы, то, в какой мере использование такого рода ресурсов позволяет решать мобилизационные задачи продвижения того или иного политического проекта в соответствующем сообществе. В современной политике конкурентная борьба легко преодолевает привычные институциональные ограничения, в ней важна не дискуссия и поиск наилучшего или хотя бы приемлемого для большинства (рационального) решения, а обретение контроля над инструментарием властного принуждения (управления). И речь идет не только об инструментарии государственной власти. Решающее значение приобретают иные инструменты, в первую очередь негосударственные, даже формальным образом выведенные из-под общественного контроля, частные и приватные, такие как власть информационная (СМИ, прежде всего электронные, а также социальные сети, мессенджеры и т.п.) и финансово-инвестиционная (все больше претендующая на глобальное политическое влияние и все активнее продвигающая общеобязательные форматы тотального цифрового контроля).

При этом в своем политическом бытии разделенные сообщества отображаются в той мере, в которой основания их разделения подвергаются процедуре (практике) *политизации*. То есть в той мере, в которой присущий этим сообществам потенциал конфликтности используется политическими акторами для продвижения собственной повестки, иными словами – превращается в инструмент управления политическим противостоянием. На этой основе могут формироваться практики *ответственного развития*, ориентированные на жизненно важные для разделенных обществ приоритеты социальной солидарности и культуру диалога [Семененко 2019: 22]. Вместе с тем реальной альтернативой оказывается колея *безответственного развития*, зачастую прикрываемая популистским флером, или даже деструктивные форматы социального и политического "апартеида".

Политизация способна превратить любой идентификационный маркер, утвердившийся как значимый при различении "своих" и "других", в факт и фактор политики. Но для этого необходимы соответственно мотивированные субъекты и акторы, осуществляющие *политизацию,* необходим политический конфликт. Политизированными могут быть имущественные разделения (включая классовое, институционализированное ранее путем формирования *среднего класса* и тем самым системно преодоленное на период доминирования модели "зрелого индустриального общества"); этнические и этнокультурные (порождающие эксцессы национализма и сепаратизма); "национальные", т.е. размежевания между сторонниками конкурирующих проектов национального строительства; языковые; расовые; гендерные; новые разделения, обусловленные, например, эффектами "цифрового неравенства", а также целый ряд других (см. *Когнитивную карту*, рис. 1). Все они *приобретают политическое измерение* в процессе прямой политизации соответствующих социальных размежеваний. В качестве субъектов здесь, наряду с традиционными политическими акторами, могут выступать и новые сообщества, формирующиеся на основе специфической самоидентификации. Такие сообщества вырабатывают и продвигают собственные политические проекты, далеко не всегда ориентированные на задачи национально-государственного строительства. Но именно такие проекты, как правило, транснационального характера, – в сферах экологии, "продвижения демократии и прав человека", толерантности и пр. – становятся ведущим фактором их консолидации как особых, неклассических политико-социальных субъектов, в совокупности формирующих новую экстратерриториальную социальную реальность.

Эффект политизации предполагает использование социальных разделений в качестве ресурса политической борьбы; но *сутью этой борьбы,* повторим, остается *конкуренция политических проектов*, т.е. проработка и артикуляция *группами интересов* собственных политических целей (лишь косвенно, в лучшем случае символически связанных с интересами той или иной социальной страты), а также путей (средств, методов) их достижения. В ходе такой борьбы ресурсы социального разделения и противостояния, будучи политизированными, оказываются очень заманчивым дополнительным инструментом политической мобилизации и, соответственно, целедостижения. В эту логику хорошо вписываются действия бонз Демпартии США в 2020 г., которые, политизировав ресурсы расовых и гендерных размежеваний, смогли резко нарастить свой электоральный и медийный потенциал

в борьбе с Трампом и республиканцами. Иными словами, политические цели победителей отнюдь не предполагали последовательную реализацию в политической сфере идей *BLM* и *Me Too*. Но мобилизационный потенциал такого рода общественных движений был эффективно использован для реализации собственных политических целей Демпартии и стоящих за ней политических акторов. Что же касается проигравших, то в качестве одной из причин поражения Трампа можно указать малую эффективность "старых" социальных размежеваний в качестве ресурса современной политики. Эффект и сама возможность их политизации весьма ограничены. По-видимому, это связано с продолжительной "политической эксплуатацией" таких размежеваний. Образующиеся со временем устойчивые организационно-институциональные формы снижают эффективность использования этого ресурса при реализации новых политических проектов (вспомним евангельское предостережение о последствиях вливания "...вина молодого в мехи ветхие..." [Мф. 9:17; Мк. 2:21-22; Лк. 5:37-39]), а общество все сдержаннее реагирует на попытки повторно политизировать размежевания, к наличию которых оно уже адаптировалось.

Функциональная потребность политизации в условиях модерна обусловлена сочетанием глубоких и неустранимых социальных размежеваний с императивом интеграции разнородных сегментов социального тела нации. На ранних этапах своего формирования *нация* должна была, в конечном счете, интегрировать и в дальнейшем элиминировать сообщества традиционных типов – сословного, этноконфессионального, кланового и т.п., осуществив их унифицирующую интеграцию и став ее символическим олицетворением. Более того, вскоре начался процесс глобального продвижения модели национально-территориального государства и образование системы таких государств, формирующих миропорядок Нового времени (т.е. капитализма эпохи повсеместного торжества модернизационного проекта).

Нации как сообщества нового типа становились при этом универсальной основой таких государств и такой системы мироустройства с четко выраженным территориальным характером организации и контроля. Но природа национальных сообществ, неожиданно для практиков и идеологов политического проекта *нации*, оказалась имманентно дуальной, конфликтно совмещающей интеграцию и разделение. Именно *практики политизации* – в условиях национально-территориальной организации фундаментально неоднородных, разделенных сообществ – решали задачу выработки нацией консолидированного целеполагания и мобилизации доступных ей средств целедостижения посредством институционализации конфликтогенных противостояний. При этом для сохранения целостности таких сообществ и их способности (как идеального типа) к дальнейшей и повсеместной экспансии потребовалась более эффективная и проактивная политическая организация, которая купировала бы дефекты социальной интеграции столь эклектически "сконструированных" сообществ, представляющих, по сути, единство несовместимых частей, и сопутствующие этому конфликты культур, ценностей и поведенческих стереотипов. В основу такой организации был положен институт политического представительства, позднее – представительной демократии, наиболее эффективно соответствующий решению задачи формирования сообществ на принципах коммерциализации и консьюмеризма, частной собственности

и тотального отчуждения[4]. В его рамках и была осуществлена институционализация латентных социальных расколов, их превращение в инструмент и ресурс национального государства как эффективной политической машины, насаждающей повсеместно принципы капиталистического накопления.

Но с начала 1990-х годов, со времени формирования глобальной псевдоуниполярности, обозначился новый тренд – поверх территориальных сообществ (наций и псевдонаций) и пронизывая их, прорастали сообщества иной, экстратерриториальной природы. Глобально интегрированные субъекты капиталистического накопления все активнее формировали запрос на новую базовую идеалтипическую модель "современного сообщества". Прежние, привычные для нас национально и территориально консолидированные сообщества уже не вполне удовлетворяли потребностям оптимизации и интенсификации накопления. В этих сообществах существенная часть ресурсов изымалась из процесса капитализации и отвлекалась на нужды социализации, здравоохранения, образования, воспроизводства знания и культуры. В логике капитала это обозначало недостаточную эффективность таких сообществ, их системную дефектность, поощряющую диссипацию ресурсов, накопление *не*капиталистического типа, порою некорректно именуемое в публичной политике "приращением человеческого капитала" (см., например, [Guide... 2016]).

Этот запрос и сформировал тренд экстратерриториальных сообществ, способных к гораздо более эффективному накоплению собственно капитала (по К. Марксу – *самовозрастающей стоимости*) и сокращению доли ресурсов, изымаемых из этого процесса и расходуемых на непроизводительные социальные нужды массового потребителя, на пресловутую "капитализацию" человеческих способностей социализированного индивида. Эти новейшие сообщества функционально значимы как перспективный социальный субстрат политики, обещающий существенно более "экономичное" и "экологичное" употребление природных и человеческих ресурсов, высокую *норму* конвертации этих ресурсов в "абстракцию капитала" как квинтэссенцию накопленного абстрактного труда. В том числе – путем ограничения расходов на образование, здоровье и долголетие человека, на развитие его творческих способностей.

Иными словами, социализация в таких сообществах может свестись к освоению лишь стандартного пакета компетенций "продвинутого потребителя". А задачи социальной интеграции, пространственной связности и коррелированности[5] общения (коммуникации) будут решаться в них принципиально иначе, чем в сообществах территориального типа; привычные для элит практики политизации общественных размежеваний в этом случае могут оказаться неэффективными. В традиционном (по инерции называемом *современным*) и предшествующих ему архаических обществах все нормативные формы такой коррелированности (знаковые системы, включая язык и письменность) создавались (за исключением, может быть, лишь особых, тайных сообществ)

[4] Нельзя не отметить и иную тенденцию, сосуществующую с этой в рамках идеального типа общества модерна. Она не посягает на краеугольный для капитализма принцип отчуждения, но избегает "тотальных" его крайностей, апеллируя к значимости культурного разнообразия для развития человека. И именно эта тенденция оказывается под ударом по мере прогресса цифровизации общественных коммуникаций, *AI*-технологий и практик дистанционности, разрушающих привычные условия человеческого общения (сообщественности, общества) и резко ускоряющих процессы атомизации.

[5] Нормативной согласованности смыслового наполнения знаковой системы коммуникации.

в ходе напряженной конкурентной борьбы и проходили длительное испытание социальной практикой. В том "универсальном", наднациональном и экстратерриториальном сообществе, которое формируется на наших глазах, места для *конкурентного отбора* и времени для *адаптации* человека к изменению его социального окружения, что критически значимо для устойчивости общества [см. Поланьи 2002: 87-94; 113-114; 270-276], остается все меньше. Как все меньше возможностей сохраняется для свободного развития человека, а социальную эмпатию вытесняет цифровое отчуждение. В рамках этого поступательного тренда общемировое пространство развития трансформируется в систему глобальных режимов контроля над общественными процессами, легитимируемых по сути исключительно соображениями экономической целесообразности[6]. Насколько всеобъемлющими станут подобные тренды и не вызовут ли они в качестве реакции иные проявления социальной дифференциации/интеграции, иные типы размежеваний? В выявлении такого рода неочевидных сегодня альтернативных трендов, в утверждении "другого мейнстрима", готового к пересмотру "либерально-рыночной нормы" [Мартьянов 2021], видится одна из ключевых задач научного и экспертного знания, значимый приоритет политической науки.

КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЙ: НОВЫЕ КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

Подход авторов к решению задачи обобщенной классификации социальных размежеваний и их политических проекций оформлен в виде *Когнитивной карты* (см. рис. 1), которая призвана дать интегральное представление об эволюционной связности структурных моделей социальной и политической дифференциации на трех ее отчасти совмещенных исторических этапах (условно: домодерна – модерна – постмодерна), в разной мере доступных нашему наблюдению и анализу.

В силу очевидных обстоятельств наиболее детально проработан этап модерных сообществ и базовая для них дифференциация в институциональных рамках национально-территориального государства. Классические подходы акцентируют различение: 1) конкурирующих паттернов социализации на ранних этапах модернизации (изначально – государство/церковь, в дальнейшем – разделение на государственную и негосударственную публичные сферы, а также размежевание между верующими и неверующими); 2) противостоящих трендов общенационального универсализма и локального партикуляризма (изначально – центр/периферия); 3) базового размежевания индустриальной революции между старым и новым хозяйственными укладами (изначально – город/село), противостояния стратегий, соответственно, концентрированного и распределенного накопления ресурсов развития; 4) разновидностей процесса интернационализации общественного воспроизводства (изначально – конфликтного противостояния капитала и труда), включая цифровую.

[6] Характерный пример – монополизация корпорацией *Microsoft* массового пользовательского рынка операционных систем для персональных компьютеров и ноутбуков, следствием которой стало почти полное вытеснение альтернативных разработок. Это – один из наиболее ранних, но весьма впечатляющих примеров монополизации интернет-пространства и последующих процессов цифровизации, превращения социального пространства в территориальный монопольно контролируемый социальный кластер.

Эти четыре классических типа напрямую соотносятся со сформировавшимися на Западе архетипическими моделями территориального государства, институциональной демократии и конкурентной партийно-политической системы, лежащей в ее основе. Картину дополняют характеристики расколов в домодерных сообществах и новых разделений, формирующихся вне привязки к территории и имеющих сугубо пространственное измерение.

Принимая во внимание структурную сложность когнитивной карты, хотелось бы дополнительно прояснить ряд моментов.

1) Описание наиболее проработанного в ней этапа модерных сообществ ориентировано на решение двуединой задачи социальной интеграции/дифференциации: как бинарные, так и троичные размежевания характеризуют способы описания не только разделяющих сообщество линий, но и возможностей его консолидации.

2) Элементы карты, окаймляющие по бокам основную таблицу, подчеркивают ключевую значимость, во-первых, *идентичности* как ведущего методологического принципа изучения социальных размежеваний / социальной интеграции и их политических проекций, и, во-вторых, *теории и методологии исследования* разделенных сообществ, требующих глубокого переосмысления и выхода за рамки мейнстрима социальных наук[7].

3) Узел, к которому на карте сходятся "стрелки" от базовых социальных размежеваний, вновь расходясь к тем или иным их политико-институциональным проекциям, символизирует неоднозначность политизирующих практик. В каждой из этих проекций могут сопрягаться элементы самых разнообразных размежеваний, строгого соответствия между формально однотипными размежеваниями и проекциями здесь не просматривается (см. рис. 1).

4) Наконец, следует оговорить, что разработанной структуры размежеваний в экстратерриториальных сообществах на данный момент нет ввиду непроявленности описываемых процессов и быстрой смены эмпирически доступной "картинки". На карте приведены четыре наиболее значимых, согласно изысканиям авторов, размежевания. Наряду с почти самоочевидными, есть одно не вполне очевидное, нуждающееся в кратком комментарии, это – *Социальная эмпатия / Цифровое отчуждение*. По сути, речь идет о выборе доминирующего способа социализации: между живым и непосредственным межличностным общением и опосредованным практиками отчуждения и формализации, стремительно и принципиально совершенствующимися в условиях цифровизации и сетевизации виртуального общения и образования. Доминирование такого опосредованного обезличенными "модераторами" взаимодействия ведет к формированию сообществ нового типа, объединяющих индивидов со стремительно оскудевающим личностным бэкграундом.

[7] Авторы признательны анонимным рецензентам, побудившим их, в дополнение к аналитической модели, представленной Когнитивной картой (рис. 1), обрисовать многомерную перспективу дальнейшего анализа (рис. 2). Текущее состояние исследований позволяет ответственно включить в предлагаемую модель (помимо "временной стрелы" – от архаики к сообществам будущего) два аналитических ракурса: идентитарный и методологический. Однако при перспективном взгляде на проблему изучения разделенных обществ и генерируемых в их рамках политических противостояний очевидно, что вся сложность предлагаемой многомерной когнитивной конструкции этим не исчерпывается. Авторы предлагают в дальнейшем дополнить и диверсифицировать бинарную оптику *идентичность/методология*, расширяя многообразие подходов, задающих разнонаправленные ракурсы исследования этого социального феномена (перспективные подходы представлены на рис. 2). В целом же исследовательская перспектива сопряжена с переходом к многомерным форматам анализа в системах цивилизационных координат (пространств эволюционирующей культуры).

Рисунок 1 (Figure 1)

Когнитивная карта исследовательского поля социальных размежеваний и их политических проекций

Cleavages and Their Political Projections: A Cognitive Map of the Research Field[8]

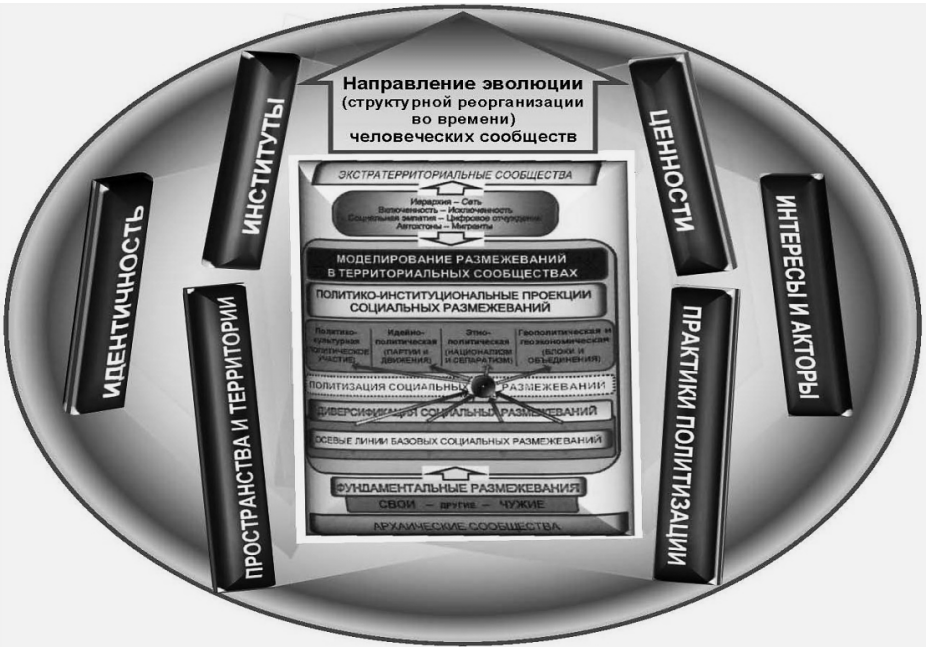
[8] For a full English version of this Cognitive Map, see the Appendix on the journal's website: https://www.politstudies.ru/files/File/2021/5/Polis-2021-5-Semenenko-App-1.pdf

По карте можно проследить эволюцию основных типов социальной дифференциации, которые в процессе достаточно сложных взаимодействий в итоге порождают разнообразные политические разделения и противостояния. На основе анализа взаимосвязей между ними можно прогнозировать появление новых разделений, определяющих альтернативы политического развития. В частности, в нынешний переходный период наблюдаются кумулятивные эффекты наложения размежеваний, характерных для территориально локализованных и для экстратерриториальных сообществ.

Рисунок 2 (Figure 2)

Перспективные многомерные ракурсы анализа социальных размежеваний и их политических проекций

Cleavages and Their Political Projections: Perspectives for Multidimensional Analysis



Складывается принципиально новая социокультурная ситуация, к которой, как показывает анализ текущих внутриполитических процессов, не готовы ни элиты, ни массовые группы. В частности, можно прогнозировать, что уже в ближайшей перспективе разделение, связанное с цифровым отчуждением, будет стимулировать различного рода конфликты, вызванные попытками унификации и стандартизации межличностного общения. Такие конфликты могут привести к деградации социальной ткани, к размыванию культурного и этического кода социума.

Обновление и развитие категориального аппарата – это основополагающее условие разработки адекватной вызовам современного кризисного развития методологии анализа и прогнозирования социальных трансформаций. Базовой категорией такого анализа мы считаем *“разделенное общество” – “зонтичного” концепта, описывающего совокупность социальных размежеваний и их политических проекций в конкретном сообществе*. Соотнесение разных оптик и ракурсов анализа свидетельствует о необходимости расширительного толкования этого

ключевого для исследования политических изменений понятия с учетом многообразия способов институционализации политических разделений в современных государствах, в надгосударственных образованиях, в политических пространствах за их пределами. Актуальным для политического прогнозирования становится сравнительный анализ динамики размежеваний в обществах с разными традициями политической культуры и разными формами институциональной организации.

По итогам исследования можно выделить и другие перспективные направления изучения социально-политических разделений и прогнозирования их долговременных последствий. К ним относятся, в частности, анализ социальных размежеваний как факторов поддержания социального, культурного и идентитарного разнообразия, которое является условием и ресурсом развития как общества, так и личности, а также изучение механизмов влияния разделений на повестку дня и приоритеты политики развития, на мотивацию государственных и негосударственных субъектов такой политики, на трансформацию индивидуального сознания человека цифровой эпохи. Важным в практически-политическом плане представляется изучение возможностей и ограничений социального регулирования и политического управления в разделенных обществах, взаимодействия между элитными и массовыми группами в условиях нарастания кризисных явлений, вызванных усилением различных форм неравенства, новыми политическими и ценностными расколами. В этом контексте самого пристального внимания заслуживает аргументированная качественная оценка ресурсного потенциала политики идентичности в продвижении от разделенного общества к обществу, способному консолидироваться вокруг стратегии *ответственного развития*.

DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05

SOCIAL CLEAVAGES AND POLITICAL DIVIDES IN A THEORETICAL PERSPECTIVE: CRITERIA FOR ASSESSMENT AND CLASSIFICATION

I.S. Semenenko[1], V.V. Lapkin[1], V.I. Pantin[1]

[1] Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

SEMENENKO, Irina Stanislavovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: semenenko@imemo.ru; **LAPKIN, Vladimir Valentinovich**, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: vvlh@politstudies.ru; **PANTIN, Vladimir Igorevich**, Dr. Sci. (Philos.), Head of Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: v.pantin@mail.ru

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification. – Polis. Political Studies. 2021. No. 5. P. 56-77. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05

Acknowledgments. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Received: 20.05.2021. Accepted:23.06.2021

Abstract. Social cleavages and their political projections are key systemic elements in the evolutionary transformations of modern societies. Cleavage theory seeks to reflect the ambiguous and dynamic realities

of contemporary divisions, but concepts and notions describing them often remain unclear. An overview of the mainstream theoretical and methodological approaches to assessing social and political divisions in contemporary societies indicates three key analytical standpoints: a) classical theory of social cleavages and their political projections (following Stein Rokkan and Seymour Martin Lipset); b) the politicization of new social divisions and of their potential transformation into competitive resources for promoting political projects; and c) political divides as drivers of social development. A correlation of these approaches can contribute to promoting a complex methodology of assessing political transformations in a rapidly changing contemporary world order. Economic and social inequality, cultural divides, and contentious politics are important indicators of growing divisions, alongside an ardent public discussion and a consistent research agenda on cultural and socio-political polarization. The authors consider institutionalized political divisions between identity groups (in the logic of Arend Lipjhart) as one of the possible characteristics (but not the only one) of divided societies, and argue for a wider approach to this concept. Growing cleavages of different natures are integral parts of contemporary social dynamics, but not all are politically relevant: politicizing cleavages is an inherent characteristic of "divided societies", and criteria for their assessment are proposed. These criteria are applicable in the framework of both territorially localized (the nation state) and extraterritorial (non-state) communities. A cognitive map of cleavages and their political projections depicts the current state of the research field and offers insights for updating the research agenda.

Keywords: divided societies, social cleavages, nation state, extraterritorial communities, political divides, polarization, conflicts, identity politics, cognitive map/mapping.

References

Bartolini S., Mair P. 1990. *Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stability of European Electorates, 1885-1985*. Cambridge: Cambridge University Press. 363 p.

Bartolini S. 2005. La formation des clivages. – *Revue International de Politique Comparée*. Vol. 12. No. 1. P. 9-34.

Bartolini S. 2011. Cleavages, Social and Political. – *International Encyclopedia of Political Science*. Ed. by B. Badie, D. Berg-Schlosser, L. Morlino Thousand Oaks: Sage. P. 276-282. https://doi.org/10.4135/9781412994163

Bogaards M. 2019. Consociationalism and Centripetalism: Friends or Foes? – *Swiss Political Science Review*. Vol. 25. No. 4. P. 519-537.

Bornschier S. 2009. Cleavage Politics in Old and New Democracies. – *Living Reviews in Democracy*. October. URL: http://www.livingreviews.org/lrd-2009-6

Collier D., Hidalgo F.D. and Maciuceanu A.O. 2006. Essentially Contested Concepts: Debates and Applications. – *Journal of Political Ideologies*. Vol. 11. No. 3. P. 211-246. https://doi.org/10.1080/13569310600923782

Deegan-Krause K. 2006. New Dimensions of Political Cleavage. – *Oxford Handbook of Political Science*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford-New York: Oxford University Press. P. 538-556. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0028

Grande E., Kriesi H. 2012. The Transformative Power of Globalization and the Structure of Political Conflict in Western Europe. – H. Kriesi, E. Grande, M. Dolezal, M. Helbling, D. Höglinger, S. Hutter, et al. *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3-35. https://doi.org/10.1017/CBO9781139169219.003

Guelke A. 2012. *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge MA: Polity. 240 p.

Guide on Measuring Human Capital. 2016. New York, Geneva: United Nations. 146 p.

Hooghe L., Marks G. 2018. Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, And the Transnational Cleavage. – *Journal of European Public Policy*. Vol. 25. No. 1. P. 109-135.

Horowitz D. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley CA: University of California Press.

Inglehart R. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 504 p.

Inglehart R., Welzel Ch. 2005. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press. 333 p.

Isaacs R., Polese A. 2016. *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space. New Tools and Approaches*. London, New York: Routledge. 272 p.

Kriesi H. 1998. The Transformation of Cleavage Politics: The 1997 Stein Rokkan Lecture. – *European Journal of Political Research*. Vol. 33. No. 2. P. 165-185.

Lemay-Hebert N. 2009. State-building without Nation-building? Legitimacy, State Failure, and the Limits of Institutionalist Approach. – *Journal of Intervention and Statebuilding*. Vol. 3. No. 1. P. 21-45.

Lijphart A. 1968. *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkley and Los Angeles: University of California Press. 222 p.

Lijphart A. 1977. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press. 248 p.

Lipset S.M. 1960. *Political Man: The Social Basis of Politics*. Garden City N.Y.: Doubleday. 432 p.

Lipset S.M., Rokkan S. 1967. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction. – *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press. P. 1-64.

Lybeck J.A. 1985. Is the Lipset-Rokkan Hypothesis Testable? – *Scandinavian Political Studies*. Vol. 8. No. 1-2. P. 105-113.

Mudde C., Kaltwasser C.R. 2017. *Populism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 136 p.

Norris P., Inglehart R. 2019. *Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press. 564 p.

O'Flynn I. 2010. Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies. – *Representation*. Vol. 46. No. 3. P. 281-293. https://doi.org/10.1080/00344893.2010.499696

Rokkan S. 1967. Geography, Religion and Social Class: Cross Cutting Cleavages across Norwegian Politics. – *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press. P. 379-386.

Rokkan S. 1973. Cities, States, and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development. –*Building States and Nations: Methods and Data Resources*. Ed. by S.N. Eisenstadt, S. Rokkan. Vol. I. Beverly Hills, CA: Sage Publications. P. 73-97.

Rydgren J. 2017. Radical Right-Wing Parties in Europe. What's Populism got to do with it? – *Journal of Language and Politics*. No. 4. P. 485-496.

Sartori G. 1976. *Parties and Party Systems. A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. 383 p.

Seiler D.-L. 2009. *Clivages et familles politiques en Europe*. Bruxelles: Ed. de l'Université de Bruxelles. 322 p.

State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe. The Theory of Stein Rokkan. 1999. Ed. by P. Flora, S. Kuhle, D. Urwin. Oxford: Oxford University Press. 422 p.

Tilly Ch. 1981. *Stein Rokkan's Conceptual Map of Europe*. CRSO Working Paper No. 229. Prepared for the Norwegian Edition of Stein Rokkan's Essays, ed. by B. Hagtvet. Center for Research on Social Organization, University of Michigan. https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/51003/229.pdf?sequence=1

Urry J. 2000. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-first Century*. London and New York: Routledge. 255 p.

Glukhova A.V. 2020. Political Conflicts in the Global Era (Theoretical Approach Implementation). – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 13-33. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.01

Gosudarstvo v politicheskoy nauke i sotsialnoy realnosti 21 veka [The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context]. 2020. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moscow: Ves Mir. 386 p. (In Russ.)

Ilyin M.V. 2002. Political Discourse as a Subject of Analysis. – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 5-21. (In Russ.)

Jessop B. 2019. *The State: Past, Present, Future*. (Russ. ed.: Jessop B. *Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee*. Moscow: Delo RANEPA. 504 p.).

Kudryashova I.V. 2020. Upravlenie etnokul'turnoi raznorodnost'yu: kontseptsii i politicheskie resheniya [Managing Ethnocultural Diversity: Concepts and Policy Decisions]. – *Metamorfozy razdelennykh obshchestv* [Metamorphoses of Divided Societies]. Ed. by I.V. Kudryashova, O.G. Kharitonova. Moscow: MGIMO University. P. 15-41. (In Russ.)

Lamazhaa Ch. K. 2011. Archaization of Society in the Period of Social Transformations. – *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. No. 3. P. 35-42 (In Russ.)

Lapkin V.V., Semenenko I.S. "Chelovek politicheskii": lichnost' pered vyzovami XXI veka [Homo Politicus: Personality Facing the Challenges of the 21st Century]. – *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir. P. 126-142. (In Russ.)

Martianov V.S. 2021. Amending the Russian Constitution as Symbolic Politics: 1993-2020. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 112-131. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09

Meleshkina E.Yu. 2012. Stateness of Postsoviet Territorial Polities. – *Comparative Politics Russia*. No. 3. P. 118-132. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-1(7)-118-132

Migratsionnye protsessy v Evrosoyuze: sovremennye problemy i vyzovy [Migration Processes in the European Union: Current Problems and Challenges]. 2019. Ed. by O.E. Trofimova. Moscow: IMEMO RAN. 211 p. (In Russ.)

Pantin V.I., Lapkin V.V. 2014. *Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Tsikly Kondrat'eva, evolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya* [Historical Forecasting in the 21st Century: Kondratieff's Cycles, Evolutionary Cycles and Prospects for World Development]. Dubna: Phoenix-plus. 456 p. (In Russ.)

Partiino-politicheskie sistemy i politicheskie ideologii v stranakh Zapada v nachale XXI veka: faktory evolyutsii i napravleniya transformatsii [Party and Political Systems and Political Ideologies in Western Countries at the Beginning of the 21st Century: Factors of Evolution and Directions for Transformation]. 2016. Ed. by E.G. Solov'ev. Moscow: IMEMO RAN. 127 p. (In Russ.)

Polanyi K. 2002. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. (Russ. ed.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Saint Petersburg: Aleteiya. 320 p.).

Semenenko I.S. 2019. Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 7-26. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. 2016. Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 69-94. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06

Solov'ev A.I. 2020. Gosudarstvo: obrazy i smysly [The State: Images and Meanings]. – *Gosudarstvo v politicheskoi nauke i sotsial'noi real'nosti XXI veka* [The State in Political Science and Social Reality of the XXI Century]. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moscow: Ves' Mir. P. 37-62. (In Russ.).

Vainshtein G. 2018. European Populism in the Late 2010s. – *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 3. P. 29-38. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38

Литература на русском языке

Вайнштейн Г. 2018. Европейский популизм в конце 2010-х. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 3. С. 29-38. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38

Глухова А.В. 2020. Политические конфликты в глобальную эпоху (К проблеме теоретической идентификации). – *Политическая наука*. № 3. С. 13-33. https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.01

Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. 2020. Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: Весь Мир. 386 с.

Джессоп Б. 2019. *Государство: прошлое, настоящее и будущее*. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС. 504 с.

Ильин М.В. 2002. Политический дискурс как предмет анализа. – *Политическая наука*. № 3. С. 5-21.

Кудряшова И.В. 2020. Управление этнокультурной разнородностью: концепции и политические решения. – *Метаморфозы разделенных обществ*. Под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. М.: МГИМО-Университет. С. 15-41.

Ламажаа Ч.К. 2011. Архаизация общества в период социальных трансформаций. – *Знание. Понимание, Умение*. № 3. С. 35-42.

Лапкин В.В., Семененко И.С. 2017. "Человек политический": личность перед вызовами XXI века. – *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (отв. ред. И.С. Семененко). М.: Весь мир. С. 126-142.

Мартьянов В.С. 2021. В поисках другого мейнстрима. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 112-131. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09

Мелешкина Е.Ю. 2012. Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий. – *Сравнительная политика*. № 1. С. 118-132.

Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы. 2019. Под ред. О.Е. Трофимовой. М.: ИМЭМО РАН. 211 с.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

Партийно-политические системы и политические идеологии в странах Запада в начале XXI века: факторы эволюции и направления трансформации. 2016. Отв. ред. Э.Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН. 127 с.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Семененко И.С. 2019. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 7-26. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2016. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории". – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 69-94. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06

Соловьев А.И. 2020. Государство: образы и смыслы. – *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: Весь Мир. С. 37-62.